

ЕЛЕНА ПЕРУШИНА

ФАВОРИТЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

ОТ ВАСИЛИЯ ГОЛИЦЫНА
ДО МАТИЛЬДЫ
КШЕСИНСКОЙ

АННА МОНС • АВДОТЯ ЧЕРНЫШЕВА • МАРИЯ КАНТЕМИР
ВАРВАРА АРСЕНЬЕВА • МАРИЯ РУМЯНЦЕВА • АЛЕКСАНДР
МЕНШИКОВ • КАМЕР-ФРЕЙЛИНА МАРИЯ ГАМИЛЬТОН
ИВАН ОРЛОВ • ЕВДОКИЯ ЛОПУХИНА • СТЕПАН ГЛЕБОВ
ЭРНСТ ИОГАНН БИРОН...

Елена Первушина

**Фавориты императорского
двора. От Василия Голицына
до Матильды Кшесинской**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3

Первушина Е. В.

Фавориты императорского двора. От Василия Голицына до
Матильды Кшесинской / Е. В. Первушина — «Центрполиграф»,
2018

ISBN 978-5-227-08171-1

Речь пойдет о первых дамах Российской империи, их венценосных супругах, фаворитках и фаворитах членов Российского императорского дома от Петра I до Николая II. Для того чтобы оценить этих людей, нужно погрузиться в их жизнь и историю, понять, что их тревожило, что пугало, на что они надеялись и чего добивались. И не всегда ответы будут однозначными. Самовластные правительницы, заморские принцессы... рядом с тронном находились не только они. При русском дворе не существовало официальной должности «королевской фаворитки», как это было принято во Франции. Любовные связи императоров и императриц оставались под завесой тайны. И все же они были, расчетливые временщики и молодые люди, увлеченные блеском двора и мечтавшие подняться до вершин власти, понравившись императрице; искушенные любовницы и юные девушки, которых направляли ко двору их амбициозные родители... Удалось ли им найти то, что они искали? Удалось ли хотя бы на короткое время обрести счастье? Или царский дворец — это заколдованное место, где даже самые лучшие намерения не доводят до добра? Давайте попробуем в этом разобраться.

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3

ISBN 978-5-227-08171-1

© Первушина Е. В., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Семья	9
Отец	16
Быть царицей	20
Быть царевной	23
Мачеха	29
Смерть отца	33
Под властью брата	36
Пешечная атака	39
Власть	43
Последний гамбит царевны	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Владимировна Первушина

Фавориты императорского двора

От Василия Голицына до

Матильды Кшесинской

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Первушина Е. В., 2018

© ООО «Рт-СПб», 2018

© «Центрполиграф», 2018

Предисловие

Истории известно несколько имен российских правительниц. О них идет разная слава. К Софье прилип ярлык ретроградки, противницы прогрессивного Петра. Анну Иоанновну считают полуграмотной иноземкой (хотя она была московской царевной и родной племянницей Петра), фактически подарившей Россию своему временщику Бирону Елизавету – веселой и не очень умной вертихвосткой. Екатерину – «матушкой-царицей», по-настоящему русской правительницей (хотя по рождению она была немкой и до конца жизни плохо говорила по-русски). Поспешные оценки всегда грешат неточностью. Для того чтобы понять и оценить этих женщин, нужно погрузиться в историю, погрузиться в их жизнь, понять, что их тревожило, что пугало, на что они надеялись и чего добивались. И не всегда ответы будут однозначными.

После Екатерины в России больше не было самовластных правительниц. (Когда в семье Николая II одна за другой родились четыре дочери, а наследник все никак не появлялся на свет, в числе прочих обсуждался проект возвести на престол старшую дочь – Ольгу, но история предложила другое решение). Но императрицы были, и их истории не менее интересны, чем истории Софьи или Екатерины.

Обычай Российской империи запрещал цесаревичу венчаться на царство, если он не был женат. Те же законы запрещали отпрыскам царских кровей брать в жены русских девушек, даже принадлежавших к аристократическим семьям.

Невестой великого князя или цесаревича могла стать только «заморская принцесса». С католическими государствами в России предпочитали не связываться, да они и сами неохотно отдавали своих принцесс иноверцам.

Оставались протестантские князья, смотревшие на переход своих дочерей в православие сквозь пальцы. Поэтому все русские императрицы и великие княгини были немками. Их привозили из крошечных, часто весьма захолустных, немецких княжеств, и, как правило, блеск роскошного Петербургского двора ослеплял их. Но вскоре они понимали, что при Дворе действуют строгие и по большей части неписанные правила.

Отличавшаяся острым аналитическим умом София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, или как называли ее дома – маленькая Фике, в свое время сформулировала их так: 1) нравиться императрице, 2) нравиться мужу и 3) нравиться народу. Маленькая Фике, хотя ей так и не удалось понравиться мужу и императрице Елизавете, тем не менее преуспела и стала русской императрицей Екатериной II. Другие принцессы не ставили перед собой таких амбициозных целей и выбирали другие пути, которые, как они надеялись, приведут их к счастью, но правы ли они? И какую цену им пришлось за это заплатить?

Но рядом с тронном находились не только они. При Русском Дворе не существовало официальной должности «королевской фаворитки», как это было принято, к примеру, во Франции. Любовные связи императоров и императриц, по крайней мере, официально оставались под завесой тайны. И все же они были: молодые люди, увлеченные блеском Двора и мечтавшие подняться до вершин власти, понравившись императрице; молодые девушки, которых направляли ко Двору их амбициозные родители, которым казалось, что они внезапно встретили «родственную душу» в самом не подходящем для этого месте... Удалось ли им найти то, что они искали? Удалось ли хотя бы на короткое время обрести счастье? Или царский дворец – это такое заколдованное место, где даже самые лучшие намерения не доводят до добра? Давайте попробуем в этом разобраться.

Глава 1

История мудрой царевны

Ей было суждено провести жизнь в заключении. Впрочем, в заключении весьма почетном – в царском тереме. Она родилась шестым ребенком и четвертой дочерью в очень большой семье. Всего их было пятнадцать братьев и сестер, двенадцать из которых приходились ей родными по отцу и по матери, а двое – только единокровными.

Современники говорили о ней: «Она имела много ума, сочиняла стихи, писала и говорила хорошо, с приятной наружностью соединяла множество талантов; они были омрачены только ее честолюбием».

Иностранным послам она казалась вовсе не красивой и отличалась тучностью; но на Руси в XVII веке полнота женщины не считалась пороком.

При крещении она получила имя Софья в честь святой Софии – христианки-мученицы, жившей во II веке в Риме и бывшей матерью трех дочерей: Пистис, Элпис и Агапе, то есть, в переводе с греческого, Веры, Надежды и Любви. Это имя стало традиционным в царской семье, к которой она принадлежала, – так же звалась ее рано умершая тетка, царевна Софья Михайловна.

Семья

Ее род пребывал на русском троне не очень давно. Первый царь в семье – ее дед – Михаил Федорович Романов, сын боярина Федора Романова, племянника царицы Анастасии, первой жены Ивана IV Грозного, и неудачливого соперника Бориса Годунова в борьбе за царский трон. Именно по приказанию Годунова Федора насильственно постригли в монастырь под именем Филарета.

Годунов полагал, что на этом притязания Федора на трон закончатся. Но не тут-то было! Когда умер Годунов и был низложен последний русский царь из рода Рюриковичей, Василий Иоаннович Шуйский, наступило так называемое Смутное время. Спустя почти триста лет насмешник Алексей Константинович Толстой напишет:

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

Вернулись поляки,
Казаков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.
И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

Свершилось то летом;
Но был ли уговор —
История об этом
Молчит до этих пор.

В самом деле, после победы над польскими интервентами на престоле оказался юный Михаил Романов, племянник Шуйского, родной сын Филарета, в ту пору митрополита Ростовского и Ярославского, поддерживавшего связи с поляками. Возможно, его выбрали как заведомо слабого и молодого царя, который не стал бы мешать остальным группировкам бороться за власть. 21 февраля 1613 года обнародовали решение Земского собора об избрании Михаила Федоровича Романова на московский престол. Бояре целовали крест и поклялись в своей верности новому царю. Что они думали при этом, осталось неизвестным.

Инокия Марфа

Патриарх Филарет

Г. Угрюмов. Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 г.

Михаил Федорович провел первые годы царствования, сражаясь с поляками, литовцами, шведами, казаками. Федор Никитич переехал в Москву и взял правление в свои руки.

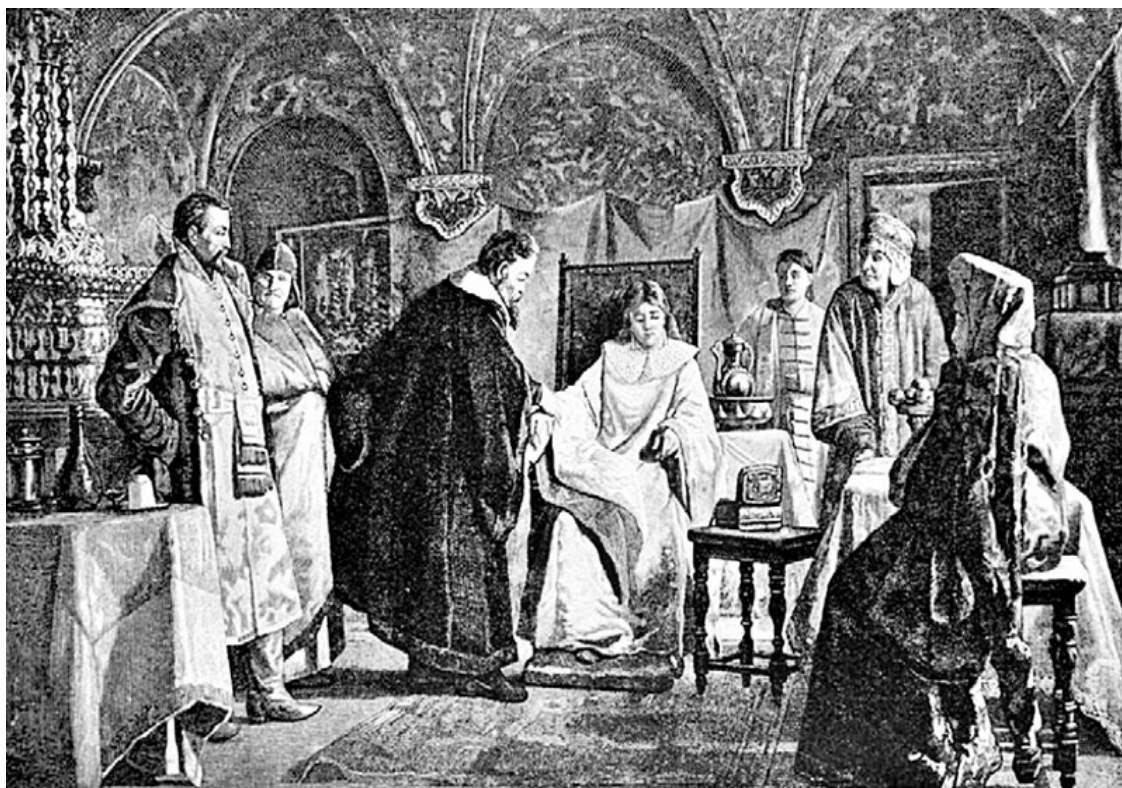
И одна из первых «подковерных» схваток развернулась вокруг невесты царя. В 1616 году Михаилу исполнилось 20 лет и настала пора жениться. По заведенному еще при Рюриковичах обычаю, во дворец стали собирать невест – это были русские девушки. Уже много лет русские цари, как и византийские императоры, не женились на иноземках, а заключали союз с тем или

иным могущественным боярским родом. Мать царя, инокиня Марфа, не менее властолюбивая, чем ее муж, и так же, как и он, в свое время насильно постриженная в монахини, прочила за сына девушку из знатной боярской семьи польского происхождения – Салтыковых, с которым она когда-то породнилась через брак сестры.

И. Ведекинд. Портрет царя Михаила Федоровича Романова

Но молодой царь неожиданно для всех выбрал Марию Хлопову – писаную красавицу, дочь ничем не примечательного боярина. Марфа не могла отказаться от поддержки Салтыковых, и Мария, теперь нареченная Анастасией и взятая «наверх» в терем царской невестой, начинает чахнуть. У нее болит желудок, ее постоянно рвет, белки ее глаз пожелтели. Все это «доказывало», что невеста «испорчена». И Марфа потребовала ее удаления из дворца. Хлопов бил челом и клался, что расстройство желудка случилось у его дочери от сластей, которыми в непривычном ей изобилии потчевали ее в царском дворце. Михаил настоял на проведении следствия, которое установило вину Салтыковых. Как раз в это время вернувшийся из плена патриарх Филарет поддержал сына, но Марфа неумолима. Она пригрозила возражавшему ей сыну, что покинет его царство, если он все же женится на Хлоповой. Марию отправили в ссылку в Тобольск, где она сразу выздоровела. Но было уже поздно.

Н. Неврев. Хлопова Мария

Но и Салтыковой не суждено было стать царицей – разгневанный Михаил отправил в ссылку всю ее семью, включая свою тетку. Царю сосватали новую невесту – Марию Долгорукову. Свадьба состоялась в сентябре 1624 года. Но через несколько недель после венчания молодая царица заболела и вскоре скончалась. И 5 февраля 1626 года Михаил венчается с Евдокией Стрешневой. От этого брака родилось десять детей. Старший сын и третий ребенок в семье – будущий отец Софьи, Алексей Михайлович.

Отец

В первый раз Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской. Перед свадьбой снова состоялась церемония выбора невест, и Алексей, как и его отец, «выбрал неправильно». На этот раз приглянувшаяся жениху невеста не понравилась царскому воспитателю Борису Морозову. Русский историк XIX века Н. Н. Костомаров рассказывает нам, что происходило: «Царь выбрал Евфимию Федоровну Всеволожскую, дочь касимовского помещика, но когда ее в первый раз одели в царскую одежду, то женщины затянули ей волосы так крепко, что она, явившись перед царем, упала в обморок. Это приписали падучей болезни. Опала постигла отца невесты за то, что он, как обвиняли его, скрыл болезнь дочери. Его сослали со всею семьею в Тюмень, впоследствии возвращен в свое имение, откуда не имел права куда-либо выезжать».

Алексей Михайлович Романов

Происшествие с невестой так подействовало на царя, что он несколько дней не ел ничего и тосковал, а боярин Морозов стал развлекать его охотой за медведями и волками. Молва, однако, приписывала несчастья Всеволожской козням этого боярина, который боялся, чтобы родня будущей царицы не захватила власти и не оттеснила его от царя. Морозов всеми силами старался занять царя забавами, чтобы самому со своими подручниками править государством, и удалял от двора всякого, кто не был ему покорен. Одних посылали подальше на воеводства, а других – и в ссылку. Последнего рода участь постигла тогда одного из самых близких людей к царю, его родного дядю по матери, Стрешнева. Его обвинили в волшебстве и сослали в Вологду.

Более всего нужно было Морозову, для упрочения своей власти, женить царя так, чтобы новая родня была с ним заодно. Морозов нашел этот способ. Был у него верный подручник, дворянин Илья Данилович Милославский, у которого были две красивые дочери. Морозов составил план выдать одну из них за царя, а на другой жениться самому. Боярин расхвалил царю дочерей Милославского и, прежде всего, дал царю случай увидеть их в Успенском соборе. Царь засмотрелся на одну из них, пока она молилась. Вслед за тем царь велел позвать ее с сестрою к царским сестрам, явился туда сам и, разглядевши поближе, нарек ее своею невестою. 16 января 1648 года Алексей Михайлович сочетался браком с Мариєю Ильиничною Милославскою. Свадьба эта, сообразно набожным наклонностям царя, отличалась тем, что вместо игры на трубах и органах, вместо битья в накры (литавры), как это допускалось прежде на царских свадьбах, певчие дьяки распевали стихи из праздников и триодий. Брак этот был счастлив; Алексей Михайлович нежно любил свою жену. Когда впоследствии она была беременна, царь просил митрополита Никона молиться, чтобы ее «разнес Бог с ребеночком», и выражался в своем письме такими словами: «А какой грех станетца, и мне, ей-ей, пропасть с кручины; Бога ради, моли за нее». Но не таким оказался брак Морозова, который, через десять дней после царского венчания, женился на сестре царицы, несмотря на неравенство лет; Морозов был женат в первый раз еще в 1617. Поэтому неудивительно, что у этой брачной четы, по выражению англичанина Коллинса, вместо детей родилась ревность, которая познакомила молодую жену старого боярина с кожанною плетью в палец толщиной. Эта трагическая история в XIX веке вдохновила Всеволода Сергеевича Соловьева, старшего сына историка С.М. Соловьева, брата философа Вл. С. Соловьева, написать роман «Касимовская невеста».

Г. Седов. Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем

Морозову, однако, эта свадьба не пошла впрок: его самовластие стало причиной народных волнений, его дом разграбили и сожгли, а сам он чудом избежал смерти и уже не смог восстановить своего влияния.

Кстати говоря, Алексей Михайлович вовсе не был таким тихим и благостным юношей, как можно подумать, глядя на его титул «Тишайший» или на портрет. Напротив, современники отмечали, что он весьма горяч, вспыльчив и при случае может пересчитать зубы проштрафившемуся боярину, а титул позаимствован из Византийской империи и означал «царь-миротворец». Существует легенда, что его Алексей Михайлович получил после умиротворения Соляного бунта, тот же титул носили и Федор Иоаннович, и Борис Годунов.

Алексей оказался весьма деятельным царем. Он не только успешно ходил в военные походы, как это и полагалось государю, но делал нечто, чего до него не делал ни один русский царь – при нем начала издаваться первая русская газета «Куранты». Зарождалась эта газета в Посольском приказе и должна была ставить царя и боярскую думу в известность о событиях за рубежом. Для этого поступающие в Посольский приказ зарубежные газеты, журналы и ведомости переводились на русский язык, затем из них отбирались важнейшие материалы и составляли, как сказали бы сейчас, «дайджест», дополняя сведениями из писем русских людей, находящихся за рубежом, и отчетов послов.

Да, именно так. Еще до Петра русские цари пристально следили за Европой и не стеснялись при случае перенимать все, что считали полезным. Например, Алексей основал в Москве новую Немецкую слободу – поселение, как сказали бы сейчас, «иностранных специалистов». Потом его сын будет проводить в этой слободе немало времени и почерпнет здесь немало идей.

А пока Алексей Михайлович женат еще первым браком и царица, Мария Милославская, каждый год рождает ему младенца.

Быть царицей

Женская половина, где жили царицы, царевны и малолетние царики, напоминала одновременно греческий гиникей и монастырь. При Дворе боялись «сглазу» и берегли своих прачек.

«Ни одна государыня в Европе, – писал личный врач Алексея Михайловича курляндец Якоб Рейтенфельс, – не пользуется таким уважением подданных, как русская. Русские не смеют не только говорить свободно о своей царице, но даже и смотреть ей прямо в лицо. Когда она едет по городу или за город, то экипаж всегда бывает закрыт, чтобы никто не видал ее. Оттого она ездит обыкновенно очень рано поутру или ввечеру. Царица ходит в церковь домовую, а в другие очень редко; общественных собраний совсем не посещает. Русские так привыкли к скромному образу жизни своих государынь, что когда нынешняя царица (Наталья Кирилловна Нарышкина. – *Е. П.*), проезжая первый раз посреди народа, несколько открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смелому поступку. Впрочем, когда ей объяснили это дело, она с примерным благоразумием охотно уступила мнению народа, освященному древностью.

Русские царицы проводят жизнь в своих покоях, в кругу благородных девиц и дам, так уединенно, что ни один мужчина, кроме слуг, не может ни видеть их, ни говорить с ними; даже почетнейшие дамы (боярыни) не всегда имеют к ним доступ. С царем садятся за стол редко (он обедает обыкновенно один, ужинает по большей части вместе с царицею.) Занятия и развлечения их состоят в вышивании и уборах».

Эти женщины пользовались косметикой. Английский врач Сэмюэль Коллинз, побывавший в Москве, писал: «Румяна их похожи на те краски, которыми мы, англичане, украшаем летом трубы наших домов и которые состоят из красной охры и испанских белил. Они чернят свои зубы с тем же намерением, с которым наши женщины носят черные мушки на лице: зубы их портятся от ртутиальных белил, и потому они превращают необходимость в украшение и называют красотой сущее безобразие. Здесь любят низкие лбы и продолговатые глаза и для того стягивают головные уборы так крепко, что после не могут закрыть глаза, так же как наши женщины не могут поднять рук и головы. Русские знают тайну чернить самые белки глаз. Маленькие ножки и стройный стан почитаются безобразием. Худощавые женщины считаются нездоровыми, и потому те, которые от природы не склонны к толстоте, предаются всякого рода эпикурейству с намерением растолстеть: лежат целый день в постели, пьют Русскую водку (*Russian Brandy*) (очень способствующую толстоте), потом спят, а потом опять пьют». Возможно, британец несколько сгущает краски, чтобы по контрасту с «дикой варварской страной» его родина выглядела более цивилизованной. Но несомненно одно: русские царицы наводили красоту, и чтобы понравиться царю, и чтобы не ударить в грязь лицом перед своими подданными: хотя они жили замкнуто, слухи о них расходились по всей России.

Как обычная боярыня, хозяйка своего дома, царица должна была ведать запасами, одеждой. Она шила и вышивала, вместе с нею вышивали и царевны. Через двести лет другая маленькая девочка из царской семьи, великая княжна Мария Павловна, будет любоваться вышитыми ими изображениями. В своих мемуарах она напишет: «Старая часть Кремля состояла из небольших сводчатых помещений, часовен и молелен всех размеров. Одну из них я особенно любила. Она была очень маленькая, в ней едва помещалось десять человек. Святые образа на иконостасе были вышиты в семнадцатом веке дочерьми царя Алексея Михайловича. Вид этих искусно выполненных работ, потребовавших кропотливого труда, вызывал в моем воображении образы принцесс, заточенных на восточный манер в своем тереме и сидящих за пядями. Я видала их в высоких, украшенных драгоценными камнями головных уборах и отливающих золотом парчовых платьях, их пальцы, подбирающие по цвету шелка, были унижены кольцами».

Царица должна была устраивать обеды для боярынь. За стол гости садились в зависимости от степени родства. За соблюдением правил «рассадки» следили не менее ревниво, чем на пирах царя. Чем ближе оказывалась та или иная боярыня к царице, тем большее влияние она могла на нее иметь.

Если царице нужно было куда-нибудь ехать (обычно – на богомолье), окна ее кареты или зимний возок закрывали со всех сторон плотной тканью. В церкви царицы стояли в особых местах, завешанные легкой тафтой, но все равно присутствовать здесь в это время разрешалось только самым близким к царской семье людям.

Милославская Мария Ильинична мать царицы Софьи

Другой путешественник – барон Август Мейерберг, побывавший в Москве при царице Марии Милославской, матери нашей героини, – рассказывает, что «за столом государя никогда

не являлись ни его супруга, ни сын (Алексей Алексеевич), которому тогда было уже десять лет, ни сестры, ни дочери его. Уважение к сим особам столь велико, что они никому не показывались. Из тысячи придворных едва ли найдется один, который может похвалиться, что он видел царицу или кого-либо из сестер и дочерей государя. Даже и врач никогда не мог их видеть. Когда, однажды, по случаю болезни царицы, необходимо было призвать врача, то прежде чем ввели его в комнату к больной, завесили плотно все окна, чтоб ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у ней пульс, то руку ее окутали тонким покровом, дабы медик не мог коснуться тела. Царица и царевны выезжают в каретах или в санях (смотря по временам года), всегда плотно и со всех сторон закрытых; в церковь они выходят по особой галерее, со всех сторон совершенно закрытой. Русские так благоговеют пред своею царицею, что не смеют на нее смотреть, и когда ее царское величество садится в карету или выходит из нее, то они падают ниц на землю». Этот обычай кажется стародавним, заведенным еще прашурами. Но на самом деле затворницами царицы стали не так давно – сказывались последствия Смутного времени.

Быть царевной

Царица могла быть неграмотной. Ее могли обучать дома, но «сдавать экзамены» ей, конечно, не приходилось. Священные книги ей читали, молитвы она знала наизусть. Однако что касается дочерей Алексея Михайловича, то они получили хорошее образование.

Им давал уроки Симеон Полоцкий – сподвижник Алексея Михайловича, один из образованнейших людей своего времени, духовный писатель, проповедник, богослов, поэт, драматург, переводчик и придворный астролог. Софья училась вместе со своими братьями и была не просто грамотна, но и начитанна, владела несколькими иностранными языками.

Симеон Полоцкий

«Терем московских царевен раскрыл свои двери для мужчин, – пишет историк М. Помяловский. – В числе первых, проникших в эти запретные прежде покои, был известный Симеон Полоцкий. Он давал уроки царским дочерям, и Софья была одной из усерднейших его учениц». Симеон давал уроки и другим царевнам, но все же, видимо, выделял Софью. Именно ей он подарил свою «Псалтырь рифмотворную» – сборник стихотворных переводов псалмов для Алексея Михайловича. Книгу украшала миниатюра с изображением царя Давида, а на первых страницах помещено посвящение Софье в серебряной узорчатой рамке.

На другой книге Симеона – катихизисе под заглавием «Венец Веры» – стихотворное посвящение, обращенное непосредственно к Софье:

О благороднейшая царевна Софиа,
Ищещи премудрости выну небесная.
По имени твоему жизнь твою ведещи:
Мудрая глаголещи, мудрая дееши...
Ты церковныя книги обыкла читати
И в отеческих свитцех мудрости искати...

Затем Полоцкий сообщает, что царевна, узнавши о том, что сочиняется эта новая книга, «возжелала сама ее созерцати и еще в черни бывшу [черновую] прилежно читати» и приказала переписать и переплести для себя. Симеон восхваляет милосердие царевны, говорит, что оно елей и что елей мудрым девам необходим бывает.

Мудрейшая ты в девах! у бо подобает
Да светильник сердца ти светлее сияет:
Обилуя елеем милости к убогим,
Сию спряжа доброту к иным твоим многим.
Но и сопрягла еси, ибо серебро, злато, —
Все обратила еси милостивне на то,
Да нищим расточиши, инокам даеши,
Молитв о отце твоём теплых требуеши.
И аз грешный многажды сподобихся взяти,
Юже ты милостыню vele щедро дати...

Какая судьба ожидала царевну? Царских дочерей не отдавали замуж – нельзя давать такой козырь в руки одного из боярских родов, а выдать русскую православную царевну замуж за иноверца и вовсе невысказано. После того как один из их братьев становился царем, они обычно постригались в монахи.

Но пока царевны жили во дворце, где были устроены специальные «Потешные палаты» с целым штатом «разного рода потешников», они могли порадовать себя, если не участвуя в различных развлечениях, то хотя бы наблюдая за ними.

Иван Забелин в своей книге «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии» пишет: «Во дворце, как видели, устраивались обычные народные игры, например качели на Святой и горы на Маслянице; во дворце постоянно играли в шахматы и шашки, тавлеи, саки, бирки, а также и в карты... Есть свидетельство, что „треклятые“ органные гласы раздавались из дворца перед лицом всенародного множества... часы с музыкою в XVI ст. уже украшали этот дворец и забавляли царское семейство своею чудною игрою». Он же рассказывает о шутах и шутихах и карликах и карлицах, которые веселили хозяев и гостей царского дворца.

Царевна Софья Алексеевна

Царевна Марфа Алексеевна

Но, вероятно, самую большую радость Софье доставляли визиты князя Василия Васильевича Голицына. Связанный с царской семьей родством и дружбой, он имел привилегию навещать царицу и царских детей. Князь был из тех русских, кто живо интересовался европейской политикой, европейским образом жизни, европейской культурой. (А таких при Дворе Алексея Михайловича становилось все больше.)

Вот слова о нем французского посла Фуа де ла Невилля (в передаче С. М. Соловьева): «Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь италийского государя. Разговор шел на латинском языке обо всем, что происходило важного тогда в Европе; Голицын хотел знать мое мнение о войне, которую император и столько других государей вели против Франции, и особенно об английской революции; он велел мне поднести всякого сорта водок и вин, советуя в то же время не пить их. Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе».

Василий Васильевич Голицын

Голицын, несомненно, произвел очень сильное впечатление на Софью, и она сильно привязалась к нему. В письмах она звала его «свет братец Васенька», «свет батюшка, душа моя, сердце мое», а однажды собственноручно сделала такую надпись на его портрете:

«Камо бежиши, воин избранный,
Многажды славне честию венчанный!
Трудов сицевых и воинской брани,
Вечно ты славы дотекше, престани.
Не ты, но образ Князя преславного
Во всяких странах, зде начертанного,
Отныне будет славою сияти,

Честь Голицынов везде прославляти».

Была ли она влюблена в этого мужчину, который на четырнадцать лет ее старше? Может быть. Были ли они любовниками? Это, кроме всего прочего, было бы возможно только при большой свободе нравов и некоторой развращенности обоих. Голицын мало того, что был гораздо старше Софьи, мало того, что находился с ней в родстве и пользовался доверием ее отца и матери, он еще был женат, и у него было пятеро детей.

Несомненно только одно – Голицын – верный друг Софии в дни ее «теремного затворничества» и верный сподвижник в дни ее царствования.

Мачеха

Мария Милославская умерла от родовой горячки в 1669 году. И через два года Алексей Михайлович женился на молодой и веселой боярской дочери Наталье Нарышкиной.

Наталья Нарышкина получила необычное для своего времени воспитание. Если среди мужчин высшего сословия подражать европейцам не было редкостью (этим грешил не только Голицын, но и задолго до него брат Филарета и дядя Михаила Иван), то для женщин это совершенно неприемлемо. Однако Наталья выросла в доме еще одного друга царя – боярина Артамона Матвеева, большого любителя наук. Свои палаты он обставил на западный манер, а его жена – шотландка Мэри Гамильтон, в России получившая имя Евдокия, – завела в доме европейские порядки. (К слову, узнав о казни английского короля Карла, Алексей не остался равнодушным. Он сразу выслал из России всех британских торговцев, выразив тем свое возмущение и заодно освободив рынок для русских купцов.)

Мэри Гамильтон – настоящая светская дама, умеющая бывать в обществе и вести просвещенные беседы с гостями мужа. В том же духе она воспитывала и Наталью.

Вероятно, Алексей Михайлович не смог устоять против столь редкого на Руси удовольствия: беседы с умной изящной девушкой, державшейся одновременно скромно и непринужденно. Он выбрал ее себе в жены из 70 невест, прибывших по традиции на царские смотрины.

«Нынешняя царица Наталья хотя отечественные обычаи сохраняет ненарушимо, однако ж будучи одарена сильным умом и характером возвышенным не стесняет себя мелочами и ведет жизнь несколько свободнее и веселее. Мы два раза видели ее в Москве, когда она была еще девицею. Это женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с черными глазами навывкате, лице имеет приятное, рот круглый, чело высокое, во всех членах тела изящную соразмерность, голос звонкий и приятный и манеры самые грациозные», – писал о Нарышкиной личный царский врач Якоб Рейтенфельс.

Нарышкина Наталья Кирилловна, мать Петра I

«Свобода и веселье» молодой царицы удивляли иностранцев и вызвали недовольство у соотечественников. В начале своей жизни Алексей Михайлович очень серьезный и набожный юноша, на их свадьбе с Марией Милославской не было скоморохов, хотя обычай предписывал их участие в торжествах. Теперь с молодой женой царь начал позволять себе просто веселиться. Они с Натальей катались по столице в карете с незанавешенными окнами, что шокировало москвичей.

Церковь и сам уклад жизни предписывали любому человеку скромность и воздержание от мирских утех. Знаменитый «Домострой», написанный веком ранее, наставлял: «А если при

этом [за трапезой] грубые и бесстыдные речи звучат, непристойное срамословие, смех, забавы разные или игра на гусях и всякая музыка, пляски и хлопанье в ладоши, и скачут, всякие игры и песни бесовские, – тогда, словно дым отгоняет пчел, отойдут и ангелы Божьи от этой трапезы и непристойной беседы» (гл. 15). И осуждал тех, кто «в дерзости своей страха Божьего не имеет и воли Божией не творит, закону христианского отеческого предания не следует... и всякую мерзость творят и всякие богоотвратные дела: блуд, распутство, сквернословие и срамословие, бесовские песни, пляски и скакание, игру на бубнах, трубах, сопелках, заводят медведей и птиц и ловчих собак и конские гонки устраивают, – все, угодное бесам...» (гл. 8). И еще: «А кто живет не по-Божьи... колдовством занимается и волхвует или зелье варит; или на охоту ходит с собаками и птицами и с медведями; и творит все, угодное дьяволу, скоморохов с их ремеслом, пляски и игры, песни бесовские любит, и костями, и шахматами увлекается, – так вот, если сам господин и дети его и слуги его, и его домочадцы все такое творят, а господин им в том не препятствует и не спасает их души, уклонившимся не помогая, – прямиком все вместе в ад попадут, да и здесь уже прокляты всеми» (гл. 28).

Разумеется, жизнь обычных людей далека от этого идеала, это понимали и в XVII веке. Но царицы были особенными существами, они должны стать заступницами перед Богом за грехи своих подданных, обязаны проводить время в молитвах и благотворительных делах.

Наталья Кирилловна старалась соблюдать все установления, но Алексею хотелось удивить и порадовать ее. И он задумал небывалую прежде потеху – театральное действо. Поскольку он был благоразумным царем, он советовался со своими боярами, стоит ли вводить на Руси этот иноземный обычай. Ему ответили, что подобные представления случались при Дворе византийских императоров и что при Дворах европейских государей такое тоже принято. Этот замечательный ответ дает нам понять, что дело было не в одной Наталье Кирилловне – за последние годы Россия пусть медленно, но уверенно поворачивалась к Европе лицом, пытаясь сохранить притом свои, присущие только ей черты.

И все же пьеса, кажется, была личным посланием царя к царице, посланием, поднесенным с безупречной галантностью. Ее ставили в летней резиденции царской семьи – подмосковном селе Преображенское. Автором пьесы и режиссером стал проживавший тогда в Москве лютеранский пастор Иоганн Готфрид Грегори. Он собрал 64 подростка – детей служилых и торговых иноземцев и обучил их театральной науке.

Пьеса «Есфирь», или «Артаксерксово действо», была рассчитана на 10 часов игры, но царь смотрел всё, не сходя с места. И немудрено – некоторые монологи пьесы звучали, как страстное признание в любви Наталье, которое в реальной жизни неуместно для его царственной особы:

О живота моего утешение
И сердца моего услаждение!
Скорбь бо в грудех моих пребывает,
Зане сила ми оскудевает,
Яко же сердце мое желает изъяснити,
Како ты души моего сердца имам любить!

Артасерксово действо

Наталья Кирилловна смотрела из «женской ложи» – отделенной от прочего зрительного зала занавесом. Здесь же находились и царевны, в том числе и Софья. Но с окончанием «Комедии об Есфири» праздник не закончился. Теперь для царя, царицы и царевен «в органы играли и на фиолях, и в страменты, и танцовали». Это был – «балет об Орфее». Но Орфей, прежде чем «начал плясать между двумя движущимися пирамидами», тоже пропел довольно пространные хвалебные стихи царю, начинавшиеся восклицанием: «Наконец-то настал тот долгожданный день. Когда и нам можно послужить тебе, Великий царь, и потешить тебя!».

Балет составили из десяти пар танцоров, которым «зделано платьє киндячное пяти цвєтов, десять саянов, десять вамсов с руковами», десять немецких кафтанов, «десять аплечєв, да десять галстухов, да на головы десять капоров». Пятерых танцоров одели в красные «саяны с кружевом мишурным», в красные гарусные чулки; пять других – в такое же зеленое платьє и зеленые чулки. Для десяти танцоров «десять шляп куплено черных немецких, да десять пар рукавиц персчатых аленьих» (вероятно, они изображали кавалеров), и все они были наряжены в белые немецкие сафьяновые башмаки. «Хореографом» стал швед «инженер Миколоай Лим». Первым среди танцоров оказался «житель Мещанской слободы Тимошка Блисов».

В следующем, 1673 году Грегори поставил второй спектакль, тоже на библейский сюжет: «Комедия из книги Иудифь», или «Олоферново действо». Под его легким пером история суровой патриотки Юдифи, казнившей вражеского полководца Олоферна, превратилась также в историю любви.

Олоферн говорил Юдифи: «Не зрише ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоя уже отчасти преодолевает? Смотрю на тя, но уже и видети не могу. Хошу же говорити, но языком больши прореши не могу. Хошу, хошу, но не могу же, не тако от вина, яко от силы красоты твоя низпадаю!». Но уже очень скоро Наталье и Софье придется покинуть уединенную женскую обитель и вступить в открытое единоборство, которое потрясет всю Россию.

Смерть отца

У Алексея Михайловича и Марии Ильиничны было 13 детей. Два их старших сына умерли еще при его жизни: первенец – младенцем, второй, уже представленный народу как наследник, – 15-летним. В младенчестве умерли и две девочки. Ко времени кончины царя его старшему сыну Федору исполнилось 14 лет, второму сыну, Иоанну, – 10.

Наталья Кирилловна успела родить царю трех детей: сына Петра – крепкого, живого и сообразительного мальчика (ему в год смерти отца исполнилось 4 года), дочь, названную по имени матери Натальей, и еще одну дочь – Феодору, которая скончалась в младенчестве.

Вопрос наследования решился просто: Федора провозгласили царем. Вдовая царица с двумя своими малолетними детьми осталась жить во дворце на женской половине вместе с царевнами, дочерьми Марии Ильиничны: 29-летней Евдокией, 24-летней Марфой, 19-летней Софьей, 18-летней Екатериной, 16-летней Марией и 14-летней Феодосией.

Артамон Сергеевич Матвеев

Вокруг царевен начала формироваться некая политическая партия, враждебная царице. Николай Иванович Костомаров пишет: «Шестеро сестер нового государя ненавидели мачеху Наталью Кирилловну; с ними заодно были и тетки, старые девы, дочери царя Михаила; около них естественно собрался кружок бояр; ненависть к Наталье Кирилловне распространялась на родственников и на сторонников последней. Прежде всех и более всех должен был потерпеть Артамон Сергеевич Матвеев, как воспитатель царицы Натальи и самый сильный человек в последние годы прошлого царствования. Его главными врагами, – кроме царевен, в особенности Софьи, самой видной по уму и силе характера, и женщин, окружавших царевен, – были

Милославские, родственники царя с материнской стороны, из которых главный был боярин Иван Михайлович Милославский, злобившийся на Матвеева за то, что Артамон Сергеевич обличал перед царем его злоупотребления и довел до того, что царь удалил его в Астрахань на воеводство. С Милославскими заодно был сильный боярин оружничий Богдан Матвеевич Хитрово; и у этого человека ненависть к Матвееву возникла от того, что последний указывал, как Хитрово, начальствуя Приказом Большого Дворца, вместе со своим племянником Александром обогащался незаконным образом за счет дворцовых имений, похищал в свою пользу находившиеся у него в заведывании дворцовые запасы и брал взятки с дворцовых подрядчиков. Царь Алексей Михайлович был такой человек, что, открывая ему правду насчет бояр, Матвеев не мог подвергнуть виновных достойному наказанию, а только подготовил себе непримиримых врагов на будущее время. У Хитрово была родственница, боярыня Анна Петровна; она славилась своим постничеством, но была женщина злая и хитрая: она действовала на слабого и больного царя вместе с царевнами и вооружала его против Матвеева, сверх того врагом Матвеева был окольничий Василий Волинский, поставленный в Посольский приказ, человек малограмотный, но богатый, щеголявший хлебосольством и роскошью. Созывая к себе на пиры вельмож, он всеми силами старался восстановить их против Матвеева. Наконец, могущественные бояре: князь Юрий Долгорукий, государев дядька Федор Федорович Куракин, Родион Стрешнев также были нерасположены к Матвееву».

Под властью брата

А что же молодой царь? Костомаров пишет о нем: «Еще менее можно было ожидать действительной силы от особы, носившей титул самодержавного государя по смерти Алексея Михайловича. Старший сын его Федор, мальчик четырнадцати лет, был уже поражен неизлечимой болезнью и едва мог ходить. Само собою разумеется, что власть была у него в руках только по имени». Это заключение кажется очень логичным. Федор, действительно, был молод и действительно был болен. То ли он страдал от цинги, то ли от сердечной, то ли от венозной недостаточности, но ноги его страшно опухали, и даже на похороны отца его принесли в кресле. Конечно же, такой юный и такой слабый царь не мог быть сильным политиком. Но современные историки готовы поправить Костомарова.

Федор Алексеевич Романов

Федор успел получить образование, подобающее наследнику. Он писал по-гречески, говорил по-польски, знал математику, «писал вирши», то есть стихи, намеревался писать историю России. У Федора были свои «потешные ребятки», какие будут потом и у Петра Алексеевича. С ними он учился стрелять из лука, из огнестрельного оружия, любил охотиться с ловчими птицами, был знатоком лошадей и выписывал жеребцов-производителей для своих конюшен из Европы.

Став царем, он не ограничивался тем, что приказывал ставить печати на свои указы, как это делал его отец, а лично их просматривал и подписывал. В первые годы он опирался на семью Милославских. Вербуя новых сторонников, он увеличил Боярскую думу и загрузил ее делами, добиваясь того, чтобы она из обычной придворной «синекуры» стала реально работающим законодательным органом наподобие римского Сената.

Другой важной государственной задачей, которую поставил перед собой Федор, – борьба с местничеством. Местничество – преимущественное право наиболее знатных боярских родов на замещение государственных должностей, которое позволяло немногочисленным боярским семьям контролировать государя. Сам Иван Грозный просил (именно просил!) своих бояр не местничать во время боевых действий, но если те не хотели отказаться от своих привилегий, царь Иван ничего не мог с этим поделать. Бояре продолжали «местничать» – то есть бастовать, не выполнять приказы государя под тем предлогом, что их род обошли в чинах, и, по сути, развязывали маленькие гражданские войны. Царь же Федор отменил местничество во время войны Руси с Османской империей под тем предлогом, что такое поведение «лучших людей государства» недопустимо в военное время, а, кроме того, «местничество благословенной любви вредительно, мира и братского соединения искоренительно». С этими словами царь Федор приказал сжечь «разрядные книги», в которых указывались статусы и привилегии боярских родов, а вместо них создал новые книги. В них вписывались служилые люди, разделенные на шесть разрядов и чины. Таким образом, Федор создал «черновой вариант» «Табели о рангах».

При нем подписали Бахчисарайский мир, согласно которому граница между Турцией и Россией устанавливалась по Днепру, султан и крымский хан обязались не помогать врагам России, Россия присоединяла левобережные земли Днепра и Киев с округой. Для того чтобы «достойно выступить» в войне, пришлось срочно переоснастить армию, построить на воронежских верфях флотилию галер, которые позже действовали у Крымского побережья, и провести налоговую реформу, причем, увеличив сборы с церковных имений, царь изыскал возможность сократить налоги и стимулировать тем самым производство. А для налоговой реформы понадобилось провести перепись населения, что и было сделано. Для борьбы с кочевниками начали масштабное строительство оборонительных сооружений по краю Дикого поля.

Он же отменил жестокий старый закон, по которому попавшимся во второй раз ворами отрубали руки, и велел вместо этого ссылать преступников в Сибирь, «на пашню», и первым начал строить государственные богадельни, где инвалиды могли заниматься доступными им ремеслами. Также Федор основал в Москве славяно-греческую школу – будущую Славяно-греко-латинскую академию. Он планировал создание университета с программой по примеру европейских университетов, который готовил бы будущих государственных чиновников. Но против этого резко выступил патриарх, потому что вслед за латинским языком в Россию неизбежно пришли бы книги католических богословов.

Федор Алексеевич начал масштабную перестройку Московского Кремля и Москвы в целом. При этом особый упор делал на строительстве светских зданий, почти 10 000 из них были каменными. Кредиты на их строительство Федор щедро раздавал из государственной казны. Также он создал новые противопожарные службы. По приказу царя в Кремле разбили новые височные сады.

Федор Алексеевич приказал устроить в Кремле символический образ храма Гроба Господня и Воскресения Христова в Иерусалиме. Возможно, идею ему подал патриарх Никон, создавший в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре под Москвой «великое подобие» главного храма Господня. По приказу Федора перестроили домовые храмы Теремного дворца. Церковь Евдокии переосветили в честь Воскресения Словущего, при ней на хорах основана Распятская (Крестовоздвиженская) церковь, а между Словущенским храмом и Верхоспасским собором устроили Голгофу. Там, в пещере, на большом камне установили кипарисовое Распятие и поставили символический Гроб Господень, над которым парили херувимы и горели 12 стеклянных лампад. Позже для Гроба Господня устроили отдельный вертоград подле покоев царя Федора.

Легенда гласит, что Федор хотел отселить Наталью Нарышкину с детьми подальше от царского дворца. Когда же она наотрез отказалась, он не стал спорить, а... перенес сам дворец. Так это было на самом деле или нет, но ясно, что Федору не за что было любить «партию Нарышкиных», хотя к вдове своего отца и к ее детям он относился с неизменным уважением и заботился о них, как и подобало главе семьи. Так, для игр маленького Петра он приказал сделать специальную палату, в которой были лошадки, барабаны, солдатики, пушки и походные шатры. Он же приказал собрать для Петра потешную ватагу – будущий Семеновский и Измайловский полки, которые позже станут одними из главных опор нового государя.

Комнаты царевен в новом дворце были покрыты росписями на библейские сюжеты. В росписи комнаты царевны Софьи присутствовали образы души чистой и души грешной, тьмой помраченной. В конце XVII века она повелела сделать для домовоей Екатерининской церкви новый иконостас в образе райского сада.

В те годы Софья находилась рядом с братом. Забота о больном, к которому она была искренне привязана, помогала ей выйти из своих покоев и участвовать в заседаниях Боярской думы при обсуждениях политики хотя бы только в качестве слушательницы. А слушала она, как показало будущее, очень внимательно. Вероятно, она оценила разумную рачительность брата и сделала свои выводы. К ней начинают обращаться с просьбами донести до царя ту или иную челобитную, она словно выходит из «зоны невидимости», в которой пребывали русские царевны.

Править Федору довелось всего шесть лет. За столь короткий срок Федор сделал поразительно много. Кроме того, за это время он успел жениться, и жена родила ему сына Илью. Федору удалось то, что не удалось его отцу и деду – он женился по любви. Его жена Аграфена Грушецкая наполовину полячка, не принадлежала к знатым родам, и бояре, не желавшие этого брака, клеветали на нее и обвиняли в распутстве, и тем не менее, в отличие от Михаила и Алексея, Федор сумел настоять на своем. В тот год, что он прожил с женой, во дворце завели новые порядки: на пиры больше не пускали гостей в длиннополых кафтанах, царь теперь считал, что они напоминают женские платья и предпочитал одежду на польский манер и польские шапки, оставлявшие волосы открытыми. Бороды при Федоре не рубили насильно, а брили, повинаясь диктату новой моды. Но через год молодая царица умерла в родах, а через десять дней скончался и младенец. Федора спешно женили еще раз, но он уже тяжело болел, и детей во втором браке не имел.

Когда он скончался, так и не оставив наследника, стало ясно, что Россию ожидает новая кровопролитная битва за власть.

Пешечная атака

В этой борьбе у Милославских был, как сказали бы шахматисты, «выигрыш темпа»: следующий по старшинству сын Алексея Михайловича – Иоанн, которому уже 15 лет, то есть вполне легитимный возраст для коронации. Михаил в свое время был не старше, когда взойшел на трон.

Но у Нарышкиных «выигрыш качества»: Иоанн болезнен, как и его старший брат, и, по слухам, слаб умом. Тогда как Петр, ставленник Нарышкиных, – крепкий, смелый и живой мальчик. И Нарышкиным удастся «провести свою пешку в ферзи», то есть короновать своего ставленника – 10-летнего Петра.

Неожиданно Софья понимает, какую партию нужно разыграть. Во всяком случае, для московских бояр ее следующий ход стал полной неожиданностью. На похоронах Федора, вопреки всем обычаям и приличиям, царевна вышла из своего терема, приняла участие в погребальном шествии, шагая за катафалком наравне с Петром. И не молчала! Напротив: громко плача, царевна объявила, что царя Федора отравили враги, и молила не губить ее с братом Иоанном, а позволить им уехать за границу. «Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравой от врагов, – причитала Софья. – Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям...» Разумеется, бояре тут же принялись уверять царевну и царевича, что никуда их не отпустят и позаботятся об их поправленных правах. Царица Наталья с малолетним царем, не достояв церковной службы, удалились в свои покои.

Комбинация была разыграна успешно, и Петру с Натальей грозил шах. И прежде чем они начнут контратаковать, Софье следовало сделать следующий ход.

Незадолго до смерти Федора стрельцы подали ему челобитную о том, что полковник Грибоедов забирает у них большую часть жалования. Федор успел написать указ: Грибоедова лишить имущества и сослать в Сибирь.

То ли стрельцы так и не успокоились, то ли кто-то искусно подогревал их недовольство, но 15 мая 1682 года стрельцы явятся к Кремлю с криками, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Наталья Кирилловна, пытаясь успокоить их, вышла на Красное крыльцо вместе с патриархом, боярами, царем Петром и царевичем Иоанном. Однако это не усмирило восставших. Пешки решительно атаковали фигуры.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. «Царица Наталья Кирилловна показывает Ивана V стрельцам»

Вот как историк Костомаров описывает апогей стрелецкого бунта. Стрельцы ищут Ивана Нарышкина, брата царицы Натальи, который, по слухам, надевал на себя царский венец и садился на трон, а когда Софья и Иоанн стали его укорять, то он накинулся на них с кулаками, а потом едва не задушил Иоанна.

«На другой день, – рассказывает Костомаров, – часов в десять утра, опять раздался набат; стрельцы с барабанным боем и криками явились ко дворцу и требовали выдачи Ивана Нарышкина. Им ответили, что его нет. Снова стрельцы ворвались во дворец искать свою жертву, убили думного дьяка Аверкия Кириллова, убили бывшего своего полковника Дохтурова, потребовали выдачи иноземного врача Даниэля, которого обвиняли в отравлении Федора, и так как нигде не могли найти его, то в досаде убили его помощника Гутменьша и 22-летнего сына Даниэлева, Михаила; хотели было умертвить и Даниэлеву жену, но царица Марфа Матвеевна выпросила ей жизнь. Несмотря на все поиски, стрельцы все-таки не могли отыскать Ивана Нарышкина. Царицына постельница Клушина запрятала его в чулан и заложила подушками. Стрельцы шарили повсюду, тыкали копьями подушки, за которыми скрывался боярин, но не нашли его. Вместо него, по ошибке, был убит схожий с ним юноша, родственник Нарышкиных, Филимонов. Хотели было тогда стрельцы умертвить отца царицы Натальи; царица слезами вымолила ему жизнь. Стрельцы согласились пощадить его только с тем, чтобы он немедленно был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь и постригся в монахи. Трех его несовершеннолетних сыновей приговорили также отправить в ссылку.

Не нашедши Ивана, толпа с криками и непристойными ругательствами вышла из Кремля, расставивши опять караулы у ворот. Они кричали, что не усмирятся до тех пор, пока им не выдадут Ивана Нарышкина и доктора Даниэля. По всей Москве происходило бесчинство; были и убийства. Тогда погиб и бывший любимец Федора Языков, которого нашли в доме одного священника. Ему отрубили голову на площади.

17 мая, рано утром, в Немецкой слободе поймали в одежде нищего и в лаптях несчастного Даниэля. Опять ударили набат; стрельцы, напившиеся до безобразия, в одних рубахах с бердышами и копьями, шли огромной толпой ко дворцу и вели впереди свою жертву; к ним вышла царица Марфа Матвеевна и царевны. Они уверяли разъярившихся стрельцов, что Даниэль не виновен, что они сами отведывали лекарство, которое подавали царю. Все было напрасно. Даниэля повели в застенок, пытали, а потом рассекли на части.

Но стрельцы этим не удовлетвоались, настойчиво требовали выдачи Ивана Нарышкина и говорили, что не уйдут из дворца, пока им не выдадут его.

Тут царевна Софья начала говорить царице Наталье: „Никоим образом нельзя тебе избыть, чтоб не выдать Ивана Кирилловича Нарышкина. Разве нам всем пропадать из-за него?“.

Царица отправилась с царевной в церковь „Спаса за Золотой Решеткою“ и приказала привести туда Ивана.

Иван Нарышкин вышел из своего закоулка, причастился Св. Таин и соборовался. Софья изъясляла сожаление о его судьбе и сама дала царице Наталье образ Богородицы, чтобы та передала своему брату. „Быть может, – говорила Софья, – стрельцы устроятся этой святой иконы и отпустят Ивана Кирилловича“. Бывший при этом боярин Яков Одоевский сказал царице Наталье: „Сколько тебе, государыня, ни жалеть брата, а отдать его нужно будет; и тебе, Иван, идти надобно поскорее. Не всем из-за тебя погибнуть“.

Царица и царевна с Нарышкиным вышли из церкви и подошли к золотой решетке, за которую уже ждали стрельцы. Отворили решетку; стрельцы, не уважая ни иконы, которую нес Нарышкин, ни присутствия царственных женщин, бросились на Ивана с непристойной бранью, схватили за волосы, стащили вниз по лестнице и проволокли через весь Кремль в застенок, называемый Константиновским. Там подвергли его жестокой пытке, оттуда повели на Красную площадь, подняли на копьях вверх, потом изрубили на мелкие куски и втоптывали их в грязь.

Стрелецкое возмущение тотчас повлекло за собою и другие смуты: взбунтовались боярские холопы. Стрельцы им потакали и вместе с ними напали толпою на Холопий приказ, разломали сундуки, отбили замки, разорвали кабальные книги и разные государевы грамоты. Стрельцы, присваивая себе право распоряжаться законодательством, кричали: „Даем полную волю на все четыре стороны всем слугам боярским. Все крепости на них разодраны и разбросаны“. Но большая часть освобожденных холопов возвращалась к своим прежним господам, а иные воспользовались своей свободой, чтобы вновь закабалить себя другим.

Царевна Софья, как бы из желания прекратить бесчинства, призвала к себе выборных стрельцов и объявила, что назначает на каждого стрельца по десяти рублей. Эта сумма, независимо от обыкновенного жалованья, идущего стрельцам, будет собрана с крестьян, имений церковных и приказных людей. Сверх того, стрельцам предоставлено было продавать имущество убитых и сосланных ими лиц. Наконец, по просьбе стрельцов, положено было выплатить им, пушкарям и солдатам за несколько лет назад заслуженное жалованье, что составляло 240 000 рублей. Софья наименовала стрельцов „надворною пехотою“ и уговаривала более никого не убивать и оставаться спокойными. Она назначила над ними главным начальником князя Хованского. Стрельцы очень любили его и постоянно величали своим „батюшкою“. Кирилл Нарышкин был пострижен и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь».

А. И. Корзухин. «Мятеж стрельцов в 1682 г.». 1882 г.

Вероятно, эти события стали одним из самых страшных воспоминаний юного Петра, в тот день он научился не доверять ни стрельцам, ни московским боярам и стремился избегать их.

Был ли этот бунт организован Милославскими, и принимала ли в его организации участие Софья? Этого мы не знаем. Но это не был «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», стрельцы действовали по инструкции, у них были «проскрипционные списки», они знали, кого нужно убить. Но даже если Софья ничего не знала о подготовке бунта, она сумела повернуть его в свою пользу. «Нельзя ее обвинять в создании стрелецкого мятежа, но трудно было бы ждать от нее, чтобы она этим мятежом в своих видах не воспользовалась», — замечает один из ее биографов.

В конце концов, после множества убийств и бесчинств, которые совершали стрельцы, «добиваясь справедливости», были провозглашены и коронованы в Успенском соборе два царя — Иван («старший» царь) и Петр («младший»), Софью назначили при них регентшей.

Власть

Софья правила семь лет. Правила, прекрасно зная, что каждый день приближает ее отставку, – едва ее братья станут совершеннолетними, как она окажется ненужной и ей придется либо покорно уйти в тень, либо решиться на что-то немыслимое. Вероятно, она наслаждалась властью. Но наслаждалась на свой лад, не было ни оргий, ни масштабных репрессий. Софья по-настоящему «работала царицей», как работали ее отец и брат.

Она немедленно сформировала свой Кабинет министров, раздавая государственные посты своим приближенным: боярам князьям В. В. Голицыну, И. М. Милославскому, И. Б. Троекурову, В. С. Волынскому, И. Ф. Бутурлину, Н. И. Одоевскому, Ф. С. Урусову, окольничим И. П. Головнину, И. Ф. Волынскому, М. С. Пушкину, стольникам князю А. И. Хованскому, князьям М. и В. Жировым-Засекиным, думным дворянам В. А. Змееву, Б. Ф. Полибину, А. И. Ржевскому, И. П. Кондыреву, думным дьякам В. Семенову, Е. Украинцеву. Она опиралась в основном не на родовитых бояр, а на «служилых людей», дворян, обязанных своим возвышением ей, а потому верных.

Царевна выслушивала доклады думных людей о государственных делах, и ее имя стояло во всех указах рядом с именами царей.

Во многом она продолжила начинания Федора: вместе с Голицыным, который стал главой Посольского приказа, «одевала в камень» Москву. Князь Ф. А. Куракин, краевед и историк XIX века, писал: «В деревянной Москве, считавшей в себе тогда до полумиллиона жителей, в министерство Голицына построено было более трех тысяч каменных домов... Он окружил себя сотрудниками, вполне ему преданными, все незнатными, но дельными, с которыми и достиг правительственных успехов».

Далее она преобразовала славяно-греческую школу в Славяно-греко-российскую академию. Поэт Сильвестр Медведев приветствовал это начинание, в своих стихах он воздает хвалу царевне за то, что та «благоволи нам свет наук явити». А побывавшие в Москве иезуиты дивились тому, что царевна нисколько не чуждается латинского Запада. Одновременно с этим Софья, разумеется, оказывала всемерную поддержку официальной православной церкви и жестоко преследовала раскольников, которые, под предводительством некоего Никиты Пустосвята, добивались восстановления «старого благочестия».

Никита был священником в Суздале, позже отрешен за ложный донос на своего архиепископа. В июле 1682 года раскольники-старообрядцы по предводительством Никиты собрались в Москве и проповедовали в стрелецких полках, а также предлагали провести открытый теологический диспут на Красной площади. Несмотря на поддержку Хованского, открытую дискуссию старообрядцам провести не удалось, но 5 июля 1682 года в Грановитой палате Московского Кремля состоялся «спор о вере», проходивший в присутствии царевны Софьи Алексеевны и патриарха Иоакима. То что произошло дальше, описано в «Истории России» Сергея Соловьева:

«С шумом вошли раскольники в Грановитую и расставили свои налои и свечи, как на площади; они пришли утверждать старую веру, уничтожать все новшества, а не замечали, какое небывалое новшество встретило их в Грановитой палате: на царском месте одни женщины! Царевны-девицы открыто пред всем народом, и одна царевна заправляет всем! Они не видели в этом явлении знамения времени. На царских тронах сидели две царевны – Софья и тетка ее Татьяна Михайловна, пониже в креслах царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексеевна и патриарх, направо архиереи, налево светские сановники, царедворцы и выборные стрельцы.

Патриарх обратился к отцам с вопросом: „Зачем пришли в царские палаты и чего требуете от нас?“. Отвечал Никита: „Мы пришли к царям-государям побить челом о исправлении православной веры, чтоб дали нам свое праведное рассмотрение с вами, новыми законодавцами, и чтоб церкви божии были в мире и соединении“. Патриарх сказал на это то же, что говорил прежде раскольникам у себя: „Не вам подобает исправлять церковные дела, вы должны повиноваться матери святой церкви и всем архиереям, пекущимся о вашем спасении; книги исправлены с греческих и наших харатейных книг по грамматике, а вы грамматического разума не коснулись и не знаете, какую содержит в себе силу“. – „Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах!“ – закричал Никита и сейчас же показал, что он понимает под догматами, обратившись к патриарху с вопросом: зачем архиереи при осенении берут крест в левую руку, а свечу в правую? За патриарха стал отвечать холмогорский епископ Афанасий. Никита бросился на него с поднятою рукою: „Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не с тобою говорю, а с патриархом!“ Стрелецкие выборные поспешили оттащить Никиту от епископа. Тут Софья не выдержала, вскочила с места и начала говорить: „Видите ли, что Никита делает? В наших глазах архиерея бьет, а без нас и подавно бы убил“. Между раскольниками послышались голоса: „Нет, государыня, он не бил, только рукою отвел“. Но Софья продолжала: „Тебе ли, Никита, с патриархом говорить? Не довелось тебе у нас и на глазах быть; помнишь ли, как ты отцу нашему и патриарху и всему собору принес повинную, клялся великою клятвою вперед о вере не бить челом, а теперь опять за то же принялся?“ – „Не запираюсь, – отвечал Никита, – поднес я повинную за мечом да за срубом, а на челобитную мою, которую я подал на соборе, никто мне ответа не дал из архиереев; сложил на меня Семен Полоцкий книгу: Жезл, но в ней и пятой части против моего челобитья нет; изволишь, я и теперь готов против Жезла отвечать, и если буду виноват, то делайте со мной что хотите“. – „Не стать тебе с нами говорить и на глазах наших быть“, – сказала ему Софья и велела читать челобитную. Когда дочли до того места, где говорилось, что чернец Арсений-еретик с Никоном поколебали душою царя Алексея, Софья опять не вытерпела: слезы выступили у нее на глазах, она вскочила со своего места и начала говорить: „Если Арсений и Никон патриарх еретики, то и отец наш и брат такие же еретики стали; выходит, что и нынешние цари не цари, патриархи не патриархи, архиереи не архиереи; мы такой хулы не хотим слышать, что отец наш и брат еретики: мы пойдем все из царства вон“. С этими словами царевна отошла от своего места и стала поодаль. Хованский, бояре все и выборные расплакались: „Зачем царям-государям из царства вон идти, мы рады за них головы свои положить“. Раздались и другие речи между стрельцами: „Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить, нам бы здоровы были цари-государи, а без вас пусто не будет“.

Но эти выходки не могли ослабить впечатления, произведенного на выборных словами Софьи. „Все это оттого, что вас все боятся, – говорила им царевна, – в надежде на вас эти раскольники-мужики так дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли таким мужикам-невеждам к нам бунтом приходиться, творить нам всем досады и кричать? Неужели вы, верные слуги нашего деда, отца и брата, в единомыслии с раскольниками? Вы и нашими верными слугами зоветесь: зачем же таким невеждам попускаете? Если мы должны быть в таком порабощении, то царям и нам здесь больше жить нельзя:

пойдем в другие города и возвестим всему народу о таком непослушании и разорении“.

Ничем нельзя было так напугать стрельцов, как угрозой, что цари оставят Москву. В них было живо сознание, что поведение их с 15 мая возбудило сильное неудовольствие в могущественных классах, что бояре их ненавидят, как бунтовщиков и убийц, что многочисленное дворянское войско, и прежде их не любившее, теперь не даст им пощады по первому мановению правительства, что они целы до сих пор и наводят страх на мирное народонаселение Москвы только потому, что правительство их прикрывает; но если правительство отречется от них, оставит Москву? Выборные отвечали: „Мы великим государям и вам, государыням, верно служить рады, за православную веру, за церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все делать. Но сами вы, государыня, видите, что народ возмущенный и у палат ваших стоит множество людей: только бы как-нибудь тот день проводить, чтоб нам от них не пострадать, а что великим государям и вам, государыням, идти из царствующего града – сохрани Боже! Зачем это?“

Софья возвратилась на свое место. Продолжали читать челобитную. Софья не могла удержаться, чтоб не поспорить еще с раскольниковыми монахами о разных вещах. Когда челобитная была прочтена, патриарх взял в одну руку Евангелие, писанное митрополитом Алексием, в другую – Соборное деяние патриарха Иеремии с Символом веры, как он читается в новоисправленных книгах. „Вот старые книги, – сказал Иоаким, – и мы им вполне последуем“. Но самое сильное впечатление произвел один священник, который выступил вперед с книгою, напечатанною при патриархе Филарете. „Вот ваши любимые книги филаретовские, – сказал священник, – смотрите, что в них напечатано: разрешается на мясо в Великий четверток и субботу!“ Никита, молчавший до сих пор после окрика Софьи, не вытерпел, но мог только выбраться с досады. „Таки же плуты печатали, как и вы“, – сказал он священнику».

В. Перов. «Никита Пустосвят. Спор о вере». 1880–1881 гг.

Каждая сторона считала, что победа осталась за ней. Но стрельцы услышали угрозу Софьи покинуть Москву вместе с братьями и хором заявили, что им «до старой веры дела нет». Софья, услышав то, что ей было нужно, принялась награждать выборных «депутатов» от стрельцов, пришедших в Грановитую палату. Заручившись их поддержкой, царевна на следующее утро приказала схватить староверов. Никиту казнили на Лобном месте, а его соратников отправили по монастырям, откуда некоторым удалось бежать и продолжать распространение раскола.

Вслед за раскольниками были усмирены стрельцы. Начальник Стрелецкого приказа, князь Хованский, приобретший большую популярность среди стрельцов и обнаруживавший на каждом шагу свое высокомерие не только по отношению к боярам, но и к Софье, был схвачен и казнен. Стрельцы смирились. Начальником Стрелецкого приказа назначили думного дьяка Федора Шакловитого. Осенью 1682 года стрельцы превращаются в надворную пехоту, они больше не ходят в военные походы, отныне их функция – охранять дворец.

Укрепляя свои позиции внутри страны, царевна не забывала и о международных отношениях.

Возглавляемый Голицыным Посольский приказ заключил выгодные договоры с Данией и Швецией, укрепил связи России с Францией, Англией, Голландией, Испанией, Священной Римской империей германской нации, папским престолом, мелкими государствами Германии и Италии. С Китаем заключили Нерчинский договор, по которому оба берега Амура, завоеванные и занятые казаками, возвратили Китаю.

Также в 1686 году заключен вечный мир с Польшей. По договору Россия получила навсегда Киев, уступленный раньше по Андрусовскому миру (1667 г.) только на два года, и Смоленск. Польша окончательно отказалась от левобережной Малороссии.

А еще для того, чтобы «создать себе репутацию» и утвердить свою власть, Софье нужны были военные победы. Случай вскоре подвернулся: Россия обязалась помочь Польше в войне с Турцией. И вот русское войско отбывает в поход на Крым и на Азов.

Голицын возглавил войска, а Софья писала своему любимцу трогательные письма: «Свет мой братец Васенка, здравствуй батюшка мой на многие лета и паки здравствуй, Божиею и Пресветыя Богородицы и твоим разумом и счастьем победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждать, а мне, свет мой, веры не имеется што ты к нам возвратитца, тогда веры пойму, как увижу во объятиях своих тебя, света моего. А что, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я верна грешная перед Богом и недостойна, однако же дерзаю, надеясь на его благоутробие, аще и грешная. Ей всегда того прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, о Христе на веки неизчетные. Аминь».

«Батюшка мой платить за такие твои труды неисчетные радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь; если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою. Письма твои, врученны Богу, к нам все дошли в целости из под Перекопу... Я брела пеша из Воздвиженскова, толко подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, чла идучи, не ведаю, чем его света благодарить за такую милость его и мать его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия, чудотворца милостиваго...».

Первый поход оказался неудачным, войскам пришлось вернуться с полдороги. Во второй раз они перешли «дикую степь» и дошли до Перекопа. Голицын заключил с ханом мир и вернулся в Москву, где его встретили как победителя. Историки спорят о значении этих походов. Они считают, что торжественная встреча, устроенная царевной, не могла скрыть откровенного провала Голицына (эту точку зрения, кстати, первым высказал Петр), другие же полагают, что Софья и в мыслях не держала захватить Крым, понимая, что в данных условиях он будет скорее обузой, чем приобретением, что ее целью с самого начала было припугнуть хана и заставить его подписать договор о мире.

А еще Софья официально приняла титул самодержицы. Она одна давала аудиенции послам; она, подобно царям, допускала митрополитов к руке; она отмечала торжественными богослужениями 17 сентября, день своего тезоименитства; она совершала торжественный выход в храм и занимала там особое место, она повелела чеканить свое лицо на монетах и медалях и воздвигла себе новый каменный дворец, в котором на нижнем этаже была устроена особая палата, «где сидеть с бояры, слушать всяких дел». Так постепенно, исподволь, она пытается приучить своих подданных к мысли, что она не просто регентша, а царица.

Последний гамбит царевны

Наталья Кирилловна, понимая, как выгодна стала бы сторонникам Софьи смерть малолетних соправителей, берегла их пуще собственного глаза. Неслучайно ее политические противники прозвали царицу «медведицей», а Петра «медвежонком».

Царица увозит сына в загородные резиденции в селах Семеновское и Измайлово. Там Петр играет «в войну» со своими «потешными ребятками», строит с ними на Плещеевом озере «потешную флотилию», а Наталья Кирилловна ждет. Она знает, что время работает на нее и против Софьи.

Меж тем Иоанну пришла пора жениться. Для него находят невесту – первую красавицу двора Прасковью Федоровну Салтыкову. Однако у царя Ивана и Прасковьи рождались только девочки.

Наталья Кирилловна спешно ищет невесту и для Петра. Ею стала Евдокия Федоровна Лопухина. Свадьбу сыграли в феврале 1689 года. Вскоре молодая царица забеременела.

Теперь, когда оба царя женаты, у Софьи формально нет причин оставаться их опекуницей. Шакловитый от ее имени пытается уговорить стрельцов просить Софью на царство, но те не поддерживают эту затею.

Позже Петр будет утверждать, что Софья и Шакловитый сговаривались, чтобы убить его. Но даже если такие разговоры и велись, то никаких практических действий не предпринималось.

Ясно одно, что царевна и новый глава Стрелецкого приказа теперь очень близки. Позже князь Борис Иванович Куракин, крестник царя Федора Алексеевича, будет утверждать, что они стали любовниками. В своей «Гиштории о царе Петре Алексеевиче» он пишет: «Надо ж и о том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым, Федор Шакловитый весьма в амуре при царевне Софье профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большой конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя и не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софьи еще продолжалось, конечно же, князю Голицыну было бы от нее падение, или б содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делах был бы помянутый Шакловитый». Но Куракин – верный сподвижник Петра, и можно ли верить ему?

А Петр больше не хочет ждать, он готов действовать.

Прежде царь Петр появлялся на торжественных царских выходах лишь изредка и лишь в самых торжественных случаях. Теперь же, 8 июля 1689 года, на Крестном ходе из Кремля в Казанский собор в память освобождения Москвы от поляков и в честь торжественного возвращения из второго крымского похода князя Голицына, царь Петр решил дать сестре бой. В Успенском соборе цари и царевна приложились к иконам и святым мощам при пении многолетия, после чего должно было идти за иконами и крестами в церковь к Казанской.

Тут Петр прилюдно заявил сестре, что она не должна принимать участия в процессии, когда же Софья не пожелала его слушать, разгневанный Петр уехал в Коломенское. А царевна с братом Иваном торжественно вышла с крестами из собора.

Подобный «демарш» Петра оскорбил и напугал Софью, она снова обратилась к стрельцам, но те выказали мало воодушевления. В их глазах Петр уже совершеннолетний полноправный царь, а кроме того, они не простили Софье понижения их статуса до «надворной пехоты».

Царевна продолжала свои выходы. Она отпраздновала встречу Голицына и его войска так, как это подобало одному царю, после молебна угощала воевод «фряжскими винами», а «ратных людей» – водкой.

Меж тем Петр переезжает из Коломенского в Преображенское и празднует там именины жены, лишний раз подчеркивая свой статус мужа и отца. В полночь 8 августа он неожиданно

срывается с места и скачет в Троице-Сергиев монастырь, бросив жену, надеясь, что Софья не станет ее губить. До него дошли известия, что в ночь Софья собрала в Кремле под ружьем до 700 стрельцов. Теперь она просит у них защиты не от Петра, а от его ближайших друзей: Бориса Голицына (кравчего у Петра) и Льва Нарышкина. Они-де спаивают Петра и настраивают его против сестры и брата и к тому же злоумышляют против Василия Голицына. В то же время по московскому дворцу расходятся слухи, что в эту ночь придут из Преображенского потешные конюхи и побьют царя Ивана и всех его сестер. Царевна молится у гробов своих родителей, желая напомнить своим сторонникам о том, что она принадлежит к старшей ветви царской семьи. 11 августа вечером она торжественно, в сопровождении боярства и дворянства, проводит из дворца в Донской монастырь чудотворную икону Донской Богоматери, которая сопровождала полкам в крымском походе, слушает там всенощную, а на следующий день снова идет туда к ранней обедне. Такое количество визитов в храмы и молебнов может поразить современного читателя. Создается впечатление, что брат и сестра соревновались в том, «кто кого перемолит». Но в ту эпоху, когда церковь была главным орудием легитимизации власти, участие в «статусных» церковных службах было важно, особенно для царевны, чья легитимность таяла на глазах. Такая «позиционная война» продолжалась до конца августа.

В монастыре меж тем уже собрано тайное ополчение, к которому присоединились солдаты и некоторые стрельцы.

29 августа царевна решила отправиться в Троицкий монастырь к разгневанному брату Петру. Она снова обходит кремлевские церкви, молится в Чудове монастыре, на Троицком подворье и в приходской церкви Вознесения на Никитской, откуда берет чудотворный образ Казанской Богородицы. Ее сопровождают бояре, окольничие, думные дворяне, стольники и стряпчие. Но послы Петра встретили ее и потребовали, чтобы она повернула обратно, угрожая, в противном случае, вернуть ее силой. Дорога от Воздвиженского, где остановилась Софья, до Троицы находилась под огнем монастырских пушек; царевне оставалось только подчиниться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.